

АРЕСТОВА Е. В.
ПРОБЛЕМЫ НЕСЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению несемиотических квантов письменного дискурса, представляющих собой затекстовый уровень речи. Дано описание особых внеречевых концептов, актуализующих стереотипные фрагменты картины мира и индивидуальную систему ценностей в границах англоязычного письменного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, несемиотический анализ, кванты текста, несемиотические концепты.

ARESTOVA E. V.
NON-SEMIOTIC STRATIFICATION
OF WRITTEN ENGLISH DISCOURSE: CURRENT ISSUES

Abstract. The article presents a study of non-semiotic units of written discourse. These units represent implicit textual speech level. The study provides a description of non-semiotic concepts which represent both stereotypical world concept and individual system of values within the English written discourse.

Keywords: discourse, non-semiotic analysis, text unit, non-semiotic concepts.

Традиционно, при лингвистическом или филологическом анализе текст рассматривается с двух условно противоположных исследовательских позиций: структурной и коммуникативно-когнитивной. При этом под структурным подходом понимается исследование целостной системы текста во взаимодействии всех его элементов, а под коммуникативно-когнитивной парадигмой рассматривается реализация так называемых фреймовых моделей, составляющих «сценарий» высказывания [1].

При структурном анализе текста мы, как правило, сталкиваемся с двумя типами единиц – семиотическими и несемиотическими. Согласно модели Ю. М. Лотмана, в основе структурного анализа лежит взгляд на литературное произведение как на органическое целое. Текст в этом анализе воспринимается не как механическая сумма составляющих его элементов: каждый из них реализуется лишь в отношении к другим элементам и к структурному целому всего текста [2].

Следует отметить, что до настоящего времени большое внимание уделялось семиотическим структурным единицам, тогда как несемиотические элементы, воспринимаясь довольно субъективно, затрагивались мало или же сводились к разбору стилистических приемов, что можно проследить на примере «Лекций по зарубежной литературе» В. В. Набокова или рецензий О. Мандельштама. Несемиотические явления,

однако, безусловно, входят в состав текста, и составляют особую, так называемую, несемантическую страту. Она состоит из ряда компонентов, включающих системы ценностей, индивидуальные картины мира, языковые картины мира авторов и прочие, неисчисляемых при структурном анализе имплицитных смыслов текста. Другими словами, несемантическая страта представляет собой затекстовый или внетекстовый уровень речи, который сам по себе не относится ни к автору, ни к читателю, а проявляется по большей части во взаимоотношении системных и структурных составляющих (например, персонажей или различных смысловых блоков) исследуемого текста и в прямом или косвенном влиянии этих взаимоотношений на реципиента [3, с. 159-162].

На сегодняшний день понятие несемантического анализа письменного художественного текста является отнюдь не новым. Подобные аналитические действия в отношении текстов имеют место в рецензиях, эссе, лекциях по литературе различных писателей и критиков. Большое внимание, в частности, уделяется значению автора, как ключевой коммуникативной сущности произведения. В работе М. Фуко «Что такое автор», предметом рассмотрения выступает позиция автора, субъекта в дискурсе. По мнению Фуко, можно быть автором чего-то большего, нежели книга, — автором теории, традиции, дисциплины, внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие книги и другие авторы. В то время, как по мнению того же Фуко, позиция читателя может быть описана в терминах сопротивления: «Читатель не прибавляет себя к книге, но, прежде всего, стремится избавиться ее от всякого автора...» [4].

Как отмечал В. В. Набоков в своих «Лекциях по зарубежной литературе»: «Гюстав Флобер ярко выразил свой идеал писателя, заметив, что подобно Всевышнему, писатель в своей книге должен быть нигде и повсюду, невидим и вездесущ» [5, с. 168]. Таким образом, уже в начале девятнадцатого века зарождалось понятие такого несемантического кванта текста как индивидуальная/авторская картина мира.

По мнению Набокова, взгляды и идеи автора в тексте выражаются не иначе как через его «представителей» — главных, второстепенных героев произведения, и, несомненно, самого автора-создателя. Структурно в произведении В. В. Набоков выделяет три типа таких представителей автора: а) рассказчик, б) представитель автора или фильтрующий посредник и в) авторский приспешник третьего порядка, именуемый Набоковым «Перри» [5]. Здесь будет уместно пояснение того, что подразумевают под собой данные понятия. В роли рассказчика выступает сам автор, если повествование ведется от первого лица, либо выдвинутый автором герой, от лица которого ведется рассказ.

Второй тип представителей автора в произведении — так называемые фильтрующие посредники, которые не являются рассказчиками от первого лица, а о которых говорится в

третьем лице. Все происходящее в книге, «прочувствованно главным героем, посредником, который процеживает повествование через собственные эмоции и представления» [5, с. 169].

Термин для определения третьего типа посредника (Перри) был изобретен самим В. В. Набоковым. По его словам, «он обозначает авторского приспешника низшего разряда – героя или героев, которые на протяжении книги ... находятся ... при исполнении служебных обязанностей» [5, с. 169]. Они «посещают места, которые автор хочет показать читателю, встречается с теми, с кем автор хочет познакомить читателя» [5, с. 169]. Таким образом, все герои произведения, так или иначе, исполняют волю автора, заключающуюся в передаче закладываемого им смысла. В. Набоков в той же работе, продолжая отстаивать превосходство незнаковых составляющих произведения, отмечает: «В этом изумительно абсурдном мире души математическим символам нет раздолья. При всей гладкости хода, ..., с какой они передразнивают завихрения наших снов и кванты наших соображений, им никогда по-настоящему не выразить то, что их природе чуждо ...» [5, с. 525].

Присутствия посредников автора в произведении недостаточно. Автору предстоит еще вложить свои идеи и размышления в этих героев, укладываясь при этом как в рамки коммуникативных и жанровых правил структуры текста, так и в ограничения знаковой системы языка, с помощью которой он «материализует» свои мысли и чувства. Подтверждение этому прослеживается и в вышеприведенной цитате. Несмотря на то, что отношение к символам как к посредникам смысла автора у Набокова скептическое, он не отрицает того, что они до настоящего времени являются единственным действенным и общепринятым в обществе способом передачи информации («нет раздолья», а не, например, «нет места»).

Безусловно, то, что будет заложено в сообщении любого жанра или речевого регистра, косвенно или напрямую реализует его продуцента. В статье 1922 года о Блоке Мандельштам, прокламируя расширение «области безусловного и общеобязательного знания о поэте», выдвигал две методологические задачи, стоящие перед исследователем: 1) что хотел сказать поэт и 2) откуда он пришел [6, с. 7].

Собственно, в этом и реализуется системное противоречие «автор vs читатель» и, как верно отмечал Р. Барт, «объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз "исповедуется" голос одного и того же человека – автора» [7, с. 1]. Ведь именно автор создает условия, при которых читатель или слушатель начинает переживать или сопереживать героям, выражая их (эти условия) через систему узнаваемых несемиотических маркеров, сопоставимых с ситуациями окружающего мира.

И. А. Стернин в своей статье «Анализ скрытых смыслов в тексте» отмечает, что «для законченного текста или большого монолога сначала выбирается тема, затем формируется стратегия сообщения (определяются факты, которые будут приведены, их последовательность, степень подробности изложения, модальность речи), определяется план изложения (подразделение сообщения на отрывки, отделяющиеся интонацией и паузами)» [8, с. 3]. Логично предположить, что выбор темы, формирование стратегии сообщения и, соответственно, определение плана изложения, выбираемая автором, исходит из его индивидуальной картины мира и системы ценностей («что хотел сказать» – каковы создаваемые условия для сопереживания, «откуда пришел» – система ценностей, принятая в обществе, откуда и получил социальные установки своего произведения автор) [8].

Зачастую в художественном произведении смысловые компоненты, отражающие концептуальную картину автора и апеллирующие к оценочной позиции читателя, реализуются через стереотипные и в этом смысле социально-конвенциональные ситуации. Именно это позволяет апеллировать к общепринятому или широко распространенному несемиотическому статусу элементов отражаемых в тексте через уникальные позиции автора, а именно через элементы его картины мира, вербализованной в дискурсе.

В данной статье особое внимание будет уделено этим несемиотическим факторам: концептуальная (индивидуальная/авторская) картина мира и *индивидуальная система ценностей* [9]. Данные понятия охватывают довольно широкий спектр реалий. И для лучшего понимания нам стоит остановиться на них подробнее и рассмотреть способы их вербализации в художественном дискурсе или формы их влияния на содержание произведения.

Фрагменты, представляющие исследовательский интерес, предположительно будут содержать компоненты, которые можно рассматривать как стереотипы или стереотипные описания ситуаций и их прямые авторские оценки, или прогнозируемы оценки читателей. В качестве текстов с наиболее очевидными связями такого рода интерес представляют произведения Б. Брайсона (Bill Bryson), – писателя с уникальным межкультурным опытом, обеспечившего ему возможность провести эффективное журналистское сравнение двух англоязычных культур: британской и североамериканской. Сравнение проводится в ироничном ключе и построено на сравнении стереотипных ситуаций, реализованных через его собственную систему оценочных координат, выработанную на основании опыта многолетнего проживания как в Великобритании (Британские стереотипы), так и в США (американские стереотипы) [10]. Следует отметить при этом, что рисуемая им сравнительная картина необязательно содержит конвенциональные стереотипы (привычные в указанном межкультурном пространстве), однако всегда опирается на них [10, с. 3].

(1) *If you informed an American* that a massive asteroid was hurtling toward Earth at 125,000 miles an hour and that **in twelve weeks the planet would be blown to smithereens**, *he would say*: "Really? In that case, I suppose **I'd better sign up** for that Mediterranean cooking course now." *If you informed a Briton of the same thing*, *he would say*: "**Bloody typical**, isn't it? And have you seen the weather forecast for the weekend [11]?"

Даже при поверхностном взгляде понятен общий замысел – противопоставление. В приведенном примере очевидно выражено сравнение двух разных систем ценностей (отношений к событиям разного иерархического порядка): a massive asteroid vs Mediterranean cooking course /the weather forecast. При этом реализуется схожая черта: фатализм обеих культур, выраженный в переключении внимания с неисправимого будущего (**in twelve weeks the planet would be blown to smithereens**) на актуальное настоящее (now/ for the weekend): Really? In that case, I suppose... / ...typical, isn't it? And have you seen. Единственным модально противопоставляемым фактором в приведенном отрывке можно считать эмоциональный вектор: коннотационно положительный у «позитивного американца» и коннотационно отрицательный у «умудренного опытом веков британца»: **I'd better sign up / Bloody typical**. При этом семиотическим поводом для противопоставления станет идентичная вводная конструкция: *If you informed an American /a Briton of the same thing, he would say....* Различие, таким образом, становится тем очевиднее, чем больше автор описывает одно явление с точки зрения совершенно противоположных отношений к нему. Впрочем, автор зачастую реализует более саркастические фрагменты «британо-американского противостояния», составляющие одну из ипостасей его творческой картины мира.

В вышеприведенном фрагменте легко идентифицируется сарказм, проявляющийся в несоответствии значения высказывания с его вербальным выражением, а именно парадоксально тривиальная реакция (записаться на кулинарные курсы/ поинтересоваться о погоде на неделю) в ответ на уникально катастрофическое явление (гипотетическое падение астероида). Повествование ведется от лица автора, и, таким образом возникает ощущение отсутствия посредников между текстом и читателем.

(2) Big chain supermarkets **rewarding us for ecologically sound behaviour** is an excellent development. *Although* I notice these **rebates** — implemented centrally by computer on the basis of loyalty card data — **are offered only to buyers of Sainsbury's re-usable bags rather than to all customers who bring their own packaging** solutions to the checkout [12].

Данный отрывок взят из онлайн издания «The Times» из рубрики «Комментарий» в статье, принадлежащей Джайлсу Корену. Он, как и Билл Брайсон, является популярным колумнистом и рассуждает на злободневные темы в юмористическом ключе.

На примере данного отрывка также четко прослеживается противопоставление, в фокусе которого стоит уже более реальная глобальная проблема – загрязнение окружающей среды. На представленном примере можно видеть, что поощрение за заботу об окружающей среде не что иное, как коммерческий ход, эксплуатирующий навязанный стереотип. К тому же, автор использует как средство донесения своей позиции сарказм, который в первом отрывке проявляется в противопоставлении, выраженном как семиотическими (*Although, rather than*), так и несемиотическими (коннотативно положительный смысл первого предложения и отрицательный второго) элементами. Продолжая доказывать свою позицию, он приводит гипертрофированный пример с другой сетью магазинов.

(3) This will hit hard in my part of north London where all groceries are carried around — as if by local bylaw — in hessian carriers from Daunt Books, so that while shopping one broadcasts a four-pronged personal retail manifesto which declares: “Not only do I shop with re-usable bags, but I shop using only natural, biodegradable re-usable bags; and not only that, but I read a lot of books; and not only that, but I BUY THOSE BOOKS AT SMALL INDEPENDENT LOCAL BOOKSHOPS!!! So put my goddam thirty quid chicken in my re-usable hessian independent bookshop bag and kneel before my hand-woven, patchouli-scented liberal awesomeness, dog! [12]”

Первый (2) и второй (3) отрывки статьи показывают, что оба магазина (гипотетически это распространяется на все крупные сети) преследуют определенные коммерческие цели. Субъективизм, с которым отстаивается позиция автора, прямо указывает на наличие таких несемиотических единиц как индивидуальная картина мира и личная система ценностей. Второй отрывок представляет интерес как фактуальная база для доказательства распространенного, по мнению автора коммерческого порока, свойственного крупным компаниям, – поиска способов нажиться на своих клиентах за счет, опять же стереотипизированных представлений о современном человеке. Они выражены автором с использованием градации, усиленной в своей кульминации плеоназмом (*re-usable = natural, biodegradable re-usable; SMALL INDEPENDENT LOCAL*), ведущего к абсурду (*I BUY ... – So kneel before my awesomeness, dog!*), что придает высказыванию эффект комичности. Повествование ведется от первого лица. Это не дает возможности для появления посредников между автором и читателем, и, к тому же, выполняет еще одну важную эмотивную функцию – неосознанно вызывает чувство самоиронии, что является также одним из наиболее эффективных средств воздействия на читателя.

На основе вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Несемиотическая страта не относится ни к автору, ни к читателю, а проявляется по большей части во взаимоотношении системных и структурных составляющих (иллюстрация поведения героев в гипотетической или реальной ситуации).

2. Формирование стратегии сообщения, выбираемого автором, исходит из его индивидуальной картины мира и системы ценностей из чего далее следует, что обнаружение концептов или систем ценностей не может сводиться к узкому поиску субъективных замыслов автора текста. Напротив, такой анализ ставит перед собой задачу раскрытия объективных смыслов, которые, в свою очередь, являются общими или обобщенными.

3. Репрезентируя несемиотическую страту, соответствующие элементы вербализуются в тексте через семиотические приемы (тропы, фигуры речи) и явления (лексика) с ярко выраженной оценочной функцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // Лингвистический вестник. – Ижевск, 1999. – № 1. – С. 5–10.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – 846 с.
3. Арестова Е. В. Принципы семиотической и несемиотической стратификации речи (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Огарев-online. Раздел «Филологические науки». – 2016. – № 6. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/principy-semioticheskoy-i-nesemioticheskoy-stratifikacii-rechi-na-materiale-anglijskogo-yazyka>.
4. Кабанова Л. И. Коммуникативная стратегия в изобразительном искусстве: философские подходы и методы исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunikativnaya-strategiya-v-izobrazitelnom-iskusstve-russkogo-avangarda-na-osnove-analiza-#ixzz4auhoAW9e>.
5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. – СПб., 2014. – 544 с.
6. Мандельштам О. Э. О поэзии // Слово и культура: Статьи. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 38–108.
7. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – 1994. – С. 384–391.
8. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж, 2011. – 66 с.
9. Свойкин К. Б. Дискретные характеристики речевого смысла [Электронный ресурс] // Вестник Мордовского университета. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22532267>.

10. Свойкин К. Б., Горлышкина А. В. Англоязычный юмористический дискурс stand-up show: концепт комического [Электронный ресурс] // Огарев-online. Раздел «Филологические науки». – 2016. – № 17. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/angloyazychnyj-yumoristicheskij-diskurs-stand-up-show-koncept-komicheskogo>.
11. Bryson B. Notes from a big country. – London, 1999. – 399 p.
12. Giles C. Every shopping basket is full of terrible secrets [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/past-six-days/2017-03-11/comment/every-shopping-basket-is-full-of-terrible-secrets-fjff5s99p>.